

Ширвиндт А.

29.9.94

ты, выражать свои чувства по поводу приятному и достойному.

Говорят, Ширвиндт сам такого праздника не захотел, но — лукавый человек! — позволил выпустить о «себе, любимом», передачу по телевидению. Передача эта, названная «Моя жизнь в искусстве и вне...», и получилась скромным праздником, в котором отсутствия куда больше, нежели присутствия.

Нет, я совсем не хочу раскритиковать Тамару Евенко за рыхлость замысла: автору, действительно, хотелось, чтобы тосты плавно перетекали в раздумья о времени, героях, штампах, ролях и прочем, прочем, прочем. Такая затея обречена заранее — даже на самых раскрепощенных дружеских посиделках по плану ничего не выходит. Не вышло и на этот раз.

Потому что в те моменты, когда так и хотелось задержать камеру, буквально руками в нее вцепившись, остановиться подольше на чем-то очень важном, — телевремя стремительно устремлялось вперед.

Но тем не менее это «самое главное» в передаче прозвучало. Пусть оно было беглым, почти вскользь, но, мне кажется, тем, кто все-таки посмотрел «Мою жизнь в искусстве и вне...», есть о чем задуматься, пытаюсь понять нечто очень важное в Александре Ширвиндте. А может быть — и во времени.

Нераскрытое важное. Незафиксированное и непродолженное.

В этом смысле самой интересной «главкой» в телеповествовании была самая коротенькая, названная «Когда театр был властителем дум». Эдвард Радзинский рассказывал о своей пьесе «Снимается кино...», о той вершине своего творчества, которая, наверное, не для одной меня осталась с годами главной во всей драматургии Радзинского.

Радзинский сказал, что он написал пьесу о серии компромиссов, о том, как «мы все предавали», и его пона-

Что-то еще остается...

чалу даже немного покорило, что Анатолий Васильевич Эфрос ставил спектакль о другом — о том, что еще что-то остается в жизни. И потому на роль режиссера Нечаева назначил Александра Ширвиндта.

Не осталось записей того поразительного спектакля, виденного многими по нескольку раз. Да и видевших «Снимается кино...» и с Ширвиндтом, и с Джигарханяном остается все меньше и меньше. Но, мне кажется, Радзинскому удалось сказать нечто такое о Ширвиндте, чего не сказал еще никто. Тамара Евенко, как показалось, мысль драматурга не только поняла, но и попыталась продолжить, потому и появился в этой «презентационного характера» передаче яркий эпизод, сыгранный молодым еще Александром Ширвиндтом в фильме «Еще раз про любовь», но ... ниточка оборвалась, ускользнув «в никуда».

Остроумный и обаятельный, красивый и немножко загадочный, Александр Ширвиндт, похоже, сам хотел бы в передаче сосредоточиться на чем-то другом — недаром он несколько раз пытался завести разговор об актерских масках, но ... юбилей, видимо, не повод для «срывания масок»! Жаль, потому что в финальной главке передачи, названной «Я хотел быть», вместо обязательно-необязательных вопросов типа «Кто был вам ближе, папа или мама?», «Кем вы стали бы, если бы не были актером?» — мог и должен был прозвучать разговор о том, что же все-таки таится такое под маской «милого Ширвиндта», что заставило Эфроса именно этому актеру отдать роль режиссера Нечаева?

Мы сегодня с успехом преодолели в себе «комплекс шестидесятилетия», заплывывая все, что еще от этого, некогда светлого ощущения осталось. Но ведь все равно — «что-то

еще остается...» Разобраться бы в этом трезво, спокойно и достойно. Понять бы. И, может быть, тогда вновь ощутилось бы не только любопытство, но и своего рода потребность вернуться к давней пьесе Эдварда Радзинского, в которой до сей поры живы обжигавшие некогда зрительный зал слова: «В юности люди живут на горах. Высокие мечты, святое искусство, еще что там? Романтика нищеты. И конечно, через все — признание и победа... А потом юность проходит. И незаметно и удобно мы начинаем спускаться с гор в долину... Есть хитрая лесенка, по ней мы спускаемся с облаков, только не разбейтесь, когда будете спускаться с облаков... Потом — первый успех. Ты сделал «о всем не то, о чем мечтал... Но ты уговорил себя: «Я это делаю, только чтобы начать». И успех твой был... И смелость твоя по мелочам тоже должна была понравиться. И стиль твой был общий, уютный... Но успех был. И ты поверил... И ты стал мастером вещей, обреченных нравиться. А потом ... идет время, и начинается звучать один мотив, как заклинание, один мотив: «Но бог избави, до седых дожить волос, служа пустой забаве...», «Но бог избави...», «Но бог избави...» И все возвращается... Ты снова вспоминаешь горы».

Тогда только пронизательному Эфросу могло казаться, что что-то еще остается. Сегодня мы знаем это на собственном опыте.

Наталья СТАРОСЕЛЬСКАЯ.

ИЗ ЭМПИРЕЕВ

III



ЕСТИДЕСЯТИЛЕТ И Е одного из любимых наших артистов, Александра Ширвиндта, могло бы, наверное, стать

всемирным праздником. Ведь это, действительно, радостно отмечать день рождения, говорить комплимен-

Здрав и сегодн
1994 - 29 сент - 6 окт
с 6-7